

Научная статья
УДК 355.332:325.2 + 94(510)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/29-40>

Молодёжная "политика" Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1935–1945)

Сергей Викторович Смирнов
Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, smirnov_sergei@mail.ru

Аннотация: Молодёжная "политика" Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), руководящего органа эмигрантской колонии в Маньчжу-ди-го (1934–1945), построенная на сочетании национального воспитания молодёжи с воспитанием в духе идей антикоммунизма и строительства государства-содружества пяти наций, эволюционировала в сторону приоритета национального воспитания при формализации других направлений. Пика в своём развитии молодёжная "политика" БРЭМ достигла в первой половине 1940-х гг. в условиях усилившейся японизации социально-культурной среды Маньчжурской империи и советской Отечественной войны, способствуя культивированию в сознании русской молодёжи национально-культурной идентичности и развитию патриотизма, что подспудно вело к усилению симпатий к Советскому Союзу.

Ключевые слова: Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), русская эмиграция; молодежная политика, Киовакай, Маньчжу-ди-го, Харбин

Для цитирования: Смирнов С. В. Молодёжная "политика" Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (1935–1945) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 29–40. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/29-40>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/29-40>

Youth "policy" of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (1935–1945)

Sergei V. Smirnov
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia, smirnov_sergei@mail.ru

Abstract. The youth "policy" of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (BREM), the governing body of the emigrant colony in Manchukuo (1934–1945), was originally built on a combination of national education of youth with education in the spirit of ideas of anti-communism and the construction of the five nations' commonwealth state. But later it evolved towards the priority of national education in the formalization of other areas. The youth "policy" of BREM reached its peak in its development in the conditions of increased Japanization of the socio-cultural environment of the Manchurian Empire and the Soviet Patriotic War in the first half of the 1940s. It contributed to the cultivation of national and cultural identity in the minds of Russian youth and the development of patriotism, which implicitly led to increased sympathy for the Soviet Union.

Key words: Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (BREM), Russian emigration, youth policy, Kiowakai, Manchukuo, Harbin

For citation: Smirnov S. V. Youth "policy" of the Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (1935–1945) // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 1. P. 29–40. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/29-40>

Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) было создано в Харбине в декабре 1934 г. как административный орган, призванный объединять эмиграцию и направлять её жизнь в русле общегосударственных задач Маньчжурской империи (Маньчжоу-го, 1932–1934; Маньчжу-ди-го, 1934–1945), государства, созданного в результате оккупации Северо-Восточного Китая японской Квантунской армией. БРЭМ также играл роль эмигрантского представительства перед властями Маньчжу-ди-го, поскольку большая часть русских и других выходцев с территории бывшей Российской империи не являлись подданными этого государства, а относились к категории иностранцев, долговременно проживавших в его пределах, чьи права были формально защищены имперскими законами [13, с. 5]. Работа с молодым поколением эмигрантов являлась одним из важных направлений в деятельности БРЭМ. Существующие исследования, посвященные различным сторонам активности БРЭМ, в том числе и его работе с молодежью [1; 2; 3; 12], не дают полной картины политики Бюро эмигрантов в отношении русской молодёжи, в связи с чем целью данной статьи является анализ содержания молодёжной "политики" БРЭМ в контексте ее изменений на протяжении 1935–1945 гг. и того, какое влияние эта "политика" оказывала на умонастроения молодой эмиграции, особенно годы войны 1941–1945 гг.

БРЭМ в административно-политической системе Маньчжурской империи

Образование БРЭМ было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, стремлением эмигрантской общественности добиться особого правового статуса для русского населения в Маньчжу-ди-го как национального меньшинства и учреждения его представительства перед властями империи. В т. н. китайский период эмиграции (1920–1931) попытки получить данный статус не увенчались успехом, в связи с чем многие эмигранты были негативно настроены по отношению к китайской администрации Трёх Восточных провинций (Маньчжурия), возглавляемой семейством Чжанов. Во-вторых, желанием политических кругов эмиграции обеспечить единство многочисленных и разнородных эмигрантских организаций, не только с целью консолидировано отстаивать свои права в государстве, где международные акты в отношении беженцев практически не действовали, но и продолжить борьбу против большевистского режима в России. Попытки объединения русской эмиграции в Китае предпринимались на протяжении всех 1920-х гг. Высшей точкой объединительной политики стало создание в 1927 г. Дальневосточного объединения российской эмиграции во главе с генералом Д. Л. Хорватом, имевшего свои представительства во всех крупных эмигрантских центрах Китая – Русские национальные общины. Данное объединение было осуществлено под руководством сторонников великого князя Николая Николаевича. Противники "николаевцев" не только не вошли в объединение, но и активно боролись против него. Оккупировавшие Маньчжурию японцы увидели угрозу в европейской ориентации Дальневосточного объединения и поддержали его противников. В-третьих, планами японских властей использовать ресурсы и кадровый потенциал эмиграции в строительстве нового государства и противостоянии коммунистической угрозе для Маньчжурии.

В итоге учредителями БРЭМ стали политические группировки противников "николаевцев", ориентированные на японцев, – фашисты (Все-российская фашистская партия, с 1937 г. – Российской фашистский союз), семёновцы (казаки – сторонники атамана Г. М. Семенова¹, представленные Дальневосточным союзом казаков – ДВСК) и часть бывших легитимистов (сторонников великого князя Кирилла Владимировича) во главе с генералом В. А. Кислицыным², отколовшихся от Сен-Бриака.

Официально Бюро было учреждено приказом министра народного благосостояния Маньчжу-ди-го и являлось административным органом этого государства [1, с. 102]. Однако реальный контроль над деятельностью БРЭМ был сосредоточен в руках Японской военной миссии (ЯВМ), разведслужбы Императорской армии Японии, с 1940 г. – Квантунской армии. В учредительных документах Бюро указывалось, что в его функции входит "руководство во всех отношениях общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защита их правовых, экономических и культурных интересов, согласование и урегулирование вопросов, возникающих между отдельными лицами и различными организациями, ведение статистического учета эмигрантского населения". Регистрации в Бюро подлежали все проживающие в Маньчжу-ди-го эмигранты и эмигрантские организации [1, с. 102]. На протяжении второй половины 1930-х гг. подразделения БРЭМ охватили своей деятельностью практически все населенные пункты в Мань-

¹ Сам атаман Семёнов, плотно курируемый с 1920-х гг. со стороны японской разведки, был объявлен японскими властями Вождем русской эмиграции на Дальнем Востоке с резиденцией в пос. Какахаша под Дайреном, первоначально не входившем в состав Маньчжу-ди-го.

² Кислицын Владимир Александрович (1883–1944). Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1900). Участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. Имел 14 ранений, в том числе три тяжелых. Кавалер Георгиевского оружия и ордена св. Георгия 4 ст. В годы Гражданской войны был в составе белых войск на Украине и в Сибири. Начальник Уфимской и 14-й кавалерийской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье начальник 1-й кавалерийской дивизии, позднее 1-й Сводной имени атамана Семенова Маньчжурской дивизии. В эмиграции в Маньчжурии. Окончил 1-ю Харбинскую зубо-врачебную школу, а также заочный курс Зарубежной военной академии в Париже профессора Н. Н. Головина. Глава Маньчжурского отдела Корпуса императорской армии и флота, официальный представитель Великого Князя Кирилла Владимировича на Дальнем Востоке (1929–1934). Начальник 7-го отдела БРЭМ (1934–1935). Третий начальник Главного БРЭМ (1938–1943).

чжурии, где проживали эмигранты. В 1940 г. Харбинское Бюро было объявлено Главным. Ему подчинялись районные Бюро (Захинганское с центром в Хайларе и Восточное с центром в Муданьцзяне), Бюро в Синьцзине (столица Маньчжу-ди-го, бывший Чанчунь), Мукдене и Дайрене, приравненные к районным. Каждое из этих подразделений имели свои территориальные отделения и представительства. В 1942 г. с созданием при ГБРЭМ Совета национальностей в ведение Бюро отошла и деятельность национальных объединений нерусских выходцев с территории бывшей Российской империи, ранее являвшихся самостоятельными.

Наряду с руководством жизнью эмиграции БРЭМ направляло участие эмигрантов в строительстве нового государства в Маньчжурии и обеспечивало культурное взаимодействие между русскими эмигрантами и пятью народами Маньчжу-ди-го – маньчжурами, китайцами, монголами, японцами и корейцами. Задуманное японскими имперскими "архитекторами" как содружество национально-культурных автономий братских народов Маньчжу-ди-го, имеющих равные права и одинаковые возможности, это государство должно было стать моделью для реализации японского (паназиатского) "нового порядка" в Восточной Азии. Осуществление идеи содружества наций Маньчжу-ди-го было возложено на общество Киевакай (кит. Сехэхуй – Общество согласия), единственную общегосударственную "идеологическую, культурную и политическую, действующую практическую организацию, охраняющую Дух основания государства" [7, с. 33].

Первоначально деятельность Киевакай практически не распространялась на русских эмигрантов, не являвшихся гражданами Маньчжу-ди-го и не входивших в сообщество братских народов империи. Однако с конца 1930-х гг. эмигрантов всё чаще стали позиционировать в качестве пятой нации Маньчжурской империи. В то время как японцы приобрели особый статус нации-покровителя в Восточной Азии. Дело в том, что в этот период в трактовке японского паназиатизма произошла трансформация от идеи содружества национально-культурных автономий к идее единой восточноазиатской нации, создание которой предполагало культурную унификацию народов Восточной Азии на японской основе [5, с. 53–143]. Изменения в реализации паназиатской доктрины были особенно заметны в Корее и в гораздо меньшей степени в Маньчжу-ди-го.

В конце 1930-х гг. русское население было включено в состав тонари-гуми, структуры территориальной организации населения по типу традиционных для Восточной Азии пяти- и десятидворок; на русских распространялась всеобщая воинская повинность, введенная в 1940 г. Русские образовательные структуры были интегрированы в общегосударственные, появились квоты для эмигрантов в государственных вузах Маньчжу-ди-го. В составе Киевакай был создан Русский сектор, ответственный за работу с эмигрантами, особенно с молодёжью. Один из высокопоставленных чиновников Общества согласия, начальник Особого отдела Биньцзянского штаба Киевакай Р. Като стал советником ГБРЭМ, а возглавлявший в 1938–1943 гг. Главное Бюро генерал Кислицын назначен директором Высших курсов Киевакай для эмигрантов [4, с. 300], нацеленных на подготовку кадров активных строителей паназиатского "нового порядка". В феврале 1942 г. представители эмигрантской колонии впервые приняли участие во всеманьчжурском съезде Киевакай.

Усилившаяся на рубеже 1930–1940-х гг. интеграция русских эмигрантов, в том числе культурная, в общеимперское социально-культурное и идеологическое пространство вызвала обеспокоенность и недовольство части эмигрантского сообщества, чему способствовал и рост патриотических настроений в русской среде в период Великой Отечественной войны. В свою очередь, неудачи, которые после 1942 г. испытывали японцы на фронтах Великой Восточноазиатской войны (декабрь 1941 – август 1945 г.), и стремление привлечь СССР в качестве посредника в переговорах с США и Великобританией также не позволяли им сильно давить на русских эмигрантов в деле их интеграции и культурной унификации в Маньчжу-ди-го. Ярким примером этого стало обращение в январе 1944 г. иерархов Харбинской епархии РПЦЗ к пастве, запрещавшее православным христианам осуществлять активно внедряемый

японскими властями обряд поклонения богине Аматаэрасу (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34913. Л. 74)³, оставшееся без наказания со стороны японцев.

В 1940-е гг. русская эмиграция, возглавляемая БРЭМом, сохранила свою относительную национально-культурную автономию. В официальных документах Бюро от 1944 г. наряду с общегосударственными задачами укрепления обороноспособности, активного содействия созданию Восточно-Азиатской сферы совместного процветания, развития тесного и искреннего сотрудничества с народами Маньчжу-ди-го и Японской империи (для чего подчеркивалась необходимость изучения японского языка и культуры) были указаны и национальные задачи – сохранение в среде эмиграции преданности истинной вере своих отцов на основе широкой веротерпимости и уважения других вероисповеданий, объединение всех эмигрантов вокруг Главного Бюро, сохранение и развитие национальной русской культуры (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 189. Л. 8)⁴.

Особое место уделялось заботе о подрастающем поколении. Из четырех целей, положенных в основу воспитательной работы с молодёжью, первой указывалось "поддержание и укрепление среди молодёжи существа русской национальной культуры", а уже потом "изучение духа и существа восточно-азиатской культуры, развитие антикоммунистических убеждений и воспитание в духе святости воинского духа" (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 189. Л. 8 об).

БРЭМ и эмигрантские молодёжные организации в 1935–1941 гг.

Забота о молодом поколении эмигрантов – сохранение в нем русскости и воспитание достойной смены борцов против коммунистического режима в России, ставшая особенно актуальной для старшего поколения эмиграции с середины 1920-х гг., занимала важное место в деятельности БРЭМ на всём протяжении его существования. Однако в первые годы функционирования Бюро его руководство ещё не имело детально разработанной программы работы с молодёжью, поэтому молодёжная "политика" осуществлялась через соответствующие структуры организаций, участвовавших в учреждении БРЭМ.

Наиболее развитую молодёжную инфраструктуру имела фашистская партия. В 1934 г. при ВФП были организованы женский и детско-юношеский филиалы партии – Российское женское фашистское движение (РЖФД), объединявшее девушек и женщин от 20 до 40 лет, Союз юных фашистов и фашисток "Авангард" (10–16 лет) и Союз фашистских крошек (3–10 лет). Большое внимание в работе с детьми и юношеством уделялось русской истории, религиозному и трудовому воспитанию, спорту, антикоммунистическим идеям. В 1936 г. был образован Союз фашистской молодёжи, в который включались все представители молодёжных филиалов ВФП в возрасте от 16 до 25 лет. В союзе действовали культурно-просветительский, драматический и философский кружки [16, с. 319, 320].

Главной формой объединения казачьей молодёжи при ДВСК выступали молодые казачьи станицы, где дети и юноши должны были воспитываться как в духе общероссийских, так и казачьих культурных традиций. Созданный в 1935 г. и некоторое время являвшийся 7-м отделом БРЭМ Дальневосточный союз военных (ДВСВ), возглавляемый главным образом бывшими легитимистами, также был связан с молодёжными организациями, доставшимися ему "по наследству" от Харбинского отделения Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) и Военно-монархического союза, ликвидированных японцами в том же году. ДВСВ курировал работу Маньчжурского отдела Национальной организации русских разведчиков (НОРР), возглавляемого подполковником А. П. Зеленым⁵ и имевшего в 1936 г. в Маньчжу-ди-го 12 отрядов разведчи-

³ ГААОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области.

⁴ ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

⁵ Зеленой Александр Петрович, 1895 г. р. Окончил 1-й Санкт-Петербургский кадетский корпус (1913) и Константиновское артиллерийское училище (1914). Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Командир 1-го Красноуфимского стрелкового артиллерийского дивизиона. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье командир артиллерийского парка 1-й Сводной дивизии, в Приморье командир батареи Сводно-артиллерийского дивизиона 3-го стрелкового корпуса, подполковник. В 1922–1923 гг. входил в состав воспитательно-препо-

ков и 8 отрядов разведчиц [14, с. 454, 455]. Формально ДВСВ подчинялся и Союз мушкетёров – объединение, возникшее в Харбине ещё в 1924 г. в результате самоорганизации эмигрантской молодёжи в ответ на начавшуюся советизацию бывшей полосы отчуждения Китайской Восточной железной дороги [15, с. 94–105]. И разведчики, и "мушкетёры" стояли на позициях монархизма, православного национализма и милитаризма с чётко выраженной (особенно в случае "мушкетёров") антисоветской политической ориентацией. Осенью 1936 г. при штабе Союза военных был создан Кружок Военной молодёжи, включавший в себя детей бывших военных Российских Императорских армии и флота, выпускников военно-училищных курсов союза, членов Союза мушкетёров и Общества взаимопомощи офицеров и юнкеров Читинского военного училища [22, с. 282].

Наряду с перечисленными организациями сохранялся ряд независимых от БРЭМ и его организационно-учредителей молодёжных объединений. В частности, отряды Национальной организации русских скаутов (НОРС), чей Маньчжурский отдел во второй половине 1930-х гг. возглавляли скаут-мастера И. А. Матковский, младший брат начальника 3-го отдела ГБРЭМ М. А. Матковского, и В. В. Родзаевский, младший брат председателя фашистской партии (НИА. Kniazeff Papers. Box 14. F. Отдел I. Национальная организация Русских Скаутов. История)⁶. Близкая по духу к скаутам организация "Костровых братьев", работавшая при Харбинской гимназии Христианского Союза молодых людей. Молодёжные структуры национальных обществ. В частности, еврейские Брит-Трумфельдор и Маккаби.

В целом все русские молодёжные организации стояли на национальных позициях, делая ставку на изучение русской истории и культуры, сохранение приверженности православию и традициям русского народа, ограждая молодых людей от вредного влияния "улицы" (преступности, наркотиков и т. п.). В то же время существовала серьёзная конкуренция между отдельными организациями молодёжи, во многом обусловленная их "партийной" принадлежностью, что было характерным и для "взрослых" объединений. "Мушкетёры" соперничали с фашистами и казаками, казаки постоянно препятствовали деятельности фашистов, были трения между разведчиками и скаутами, и т. п. Показательно, что на западной линии Северо-Маньчжурской железной дороги (бывшая КВЖД), где среди эмигрантов преобладало казачье население, "мушкетёры" потерпели фиаско в организации своих отрядов, а позиции фашистов были крайне слабы. Не было здесь и отрядов НОРР и НОРС.

Создание в 1938 г. Монархического объединения под руководством 2-го заместителя начальника БРЭМ поручика Б. Н. Шепунова⁷, в которое вошли ДВСВ, ДВСК, Союз мушкетёров, НОРР и Литературный кружок им. Августейшего поэта К. Р., лишь усугубило ситуацию. Амбициозный Шепунов, в прошлом член РОВС и Братства Русской Правды, консолидируя монархические организации, видел своей целью ослабление фашистов, что способствовало бесплодной конкуренции между фашистскими и монархическими молодёжными структурами.

Стремясь собрать под своей рукой молодёжь, не связанную с "партийными" организациями, руководство БРЭМ в 1936 г. учредило собственное молодёжное объединение – Союз националистической молодёжи (СНМ),

давательского состава Хабаровского кадетского корпуса. С 1923 г. жил в Харбине, давал частные уроки. С 1930 г. член Артиллерийского кружка. В 1936–1945 гг. сотрудник 2-го отдела Харбинской ЯВМ. Арестован органами СМЕРШ в августе 1945 г., вывезен в СССР.

⁶ НИА – Hoover Institution Archives.

⁷ Шепунов Борис Николаевич (1897–1946). Окончил ускоренный курс Елизаветградского кавалерийского училища (1917). Участник Первой мировой и Гражданской войн. После эвакуации в Маньчжурию (1922) жил на восточной линии КВЖД, работал на рисоочистительном заводе. Один из организаторов Русской национальной общины восточной линии КВЖД. Сотрудничал с японской разведкой, возглавлял погранично-полицейский отряд на ст. Пограничная (1932–1935). Начальник отделения БРЭМ на ст. Пограничная (1935–1936). С 1937 г. в Харбине, начальник общего отдела и 2-й заместитель начальника ГБРЭМ. Руководитель Монархического объединения (1938–1942). Начальник Восточного районного БРЭМ в Муданьзяне (1942), позднее сотрудник ЯВМ в Харбине. Арестован в августе 1945 г. органами СМЕРШ. Осужден Московским показательным судебным процессом (1946), расстрелян.

которое возглавил С. Ф. Коротеев⁸. Союз, включавший в себя молодых людей от 17 до 35 лет, имел несколько секций: литературную, музыкальную, художественную, драматическую, историческую (изучение дореволюционной России) и изучения СССР. Члены Союза устраивали доклады и лекции, литературные и художественные вечера, театральные постановки, участвовали во всех акциях, проводимых Бюро. Время от времени издавался собственный журнал – "Колокол" ("Наш колокол"). Численность организации, имевшей несколько районных отделов в Харбине, была небольшой, всего 50–60 человек (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31512. Л. 19, 29; д. 33012. Л. 10–14). Известно также, что Союзы националистической молодёжи существовали и на некоторых станциях восточной линии СМЖД (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 16. Л. 9, 10), но сведений об их численности нет. Для сравнения, численность членов Союза мушкетёров в середине 1930-х гг. доходила до 700 человек, ВФП со всеми своими филиалами насчитывал, по некоторым сведениям, свыше 2 тыс. человек [15, с. 100].

Идейной основой работы СНМ являлся антикоммунизм, но антикоммунизм его членов был пассивным в отличие от активизма ВФП, Союза мушкетёров и даже НОРР. СНМ так и не стал настоящим центром объединения "беспартийной" молодёжи и оказался малопривлекателен из-за своей идеологической пассивности как для пропаганды антикоммунистических лозунгов, так и идеи "общего дома" в Маньчжу-ди-го. Помимо СНМ под контролем Бюро со второй половины 1930-х гг. находились молодёжные спортивные объединения, среди которых были спортивное общество "Витязь", Харбинское общество теннисного и конькобежного спорта, Футбольная лига, Шахматная лига, Общество парусного спорта (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35164. Л. 43, 44).

В конце 1930-х гг. благодаря усилиям эмигрантских политических организаций и их японских кураторов из спецслужб уровень антикоммунистической политизации эмигрантского сообщества в Маньчжурии несколько повысился, что происходило на фоне советско-японской конфронтации. В антикоммунистическую (антикоминтерновскую) деятельность активно вовлекалась и молодёжь.

Летом 1938 г. во время советско-японского вооруженного конфликта на озере Хасан по инициативе группировки Шепунова и представителей ЯВМ был организован летний лагерь для членов НОРР в местечке Дуннин, недалеко от советско-маньчжурской границы. Лагерники провели ряд антисоветских мероприятий: ежедневно поднимали российский национальный флаг, служили молебны, пели "Боже Царя храни", запускали воздушный шар с надписью "СССР – тюрьма". Работу лагеря широко освещала эмигрантская, маньчжурская и японская пресса, на мероприятиях присутствовали представители японской и эмигрантской администрации (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33582. Л. 10, 16, 28, 29). В период работы Дуннинского лагеря подполковник Зеленой издал приказ, в преамбуле которого указывалось: "Наступают сроки, предопределенные Господом Богом, и близок час рассвета, час возрождения России. В это серьёзное время долг каждого русского Разведчика напрячь все усилия и приложить старания, дабы к моменту, когда наша работа будет необходима там – на Родной земле, быть во всеоружии" [14, с. 514, 515].

В августе 1939 г., используя в качестве повода гибель в районе Халхин-Гола одного из молодых русских военнослужащих отряда Асано – ефрейтора М. А. Натарова, руководство БРЭМ объявило о формировании нового культа героев-борцов против Коминтерна, которые вместе с участниками Белого движения ("рыцарями Белой мечты") должны были стать духовным ориентиром для подрастающего поколения эмигрантов [8, с. 1]. Мероприятия в рамках т. н. дней Антикоминтерна, приуроченных к 1 мая и 7 ноября, и имевших благодаря административному ресурсу массовый характер, позиционировались эмигрантским Бюро как акт сплочения эмиграции в её стремлении освободить Россию от большевистского режима.

В целях политической консолидации и воспитания молодого поколения эмигрантов в 1939 г. БРЭМом был организован Антикоммунистический союз молодёжи, включивший в себя все крупные эмигрантские молодёжные объединения Харбина – Союз фашистской молодёжи, Кружок Военной молодёжи

⁸ Коротеев Сергей Филиппович, 1906 г. р. Являлся сотрудником ГБРЭМ.

ДВСВ, Харбинскую Молодую им. атамана Семёнова станицу, Союз националистической молодёжи. Возглавляли объединение бывшие офицеры – полковник А. А. Егоров, генерал И. Н. Никитин [17, с. 4], и др. Союз, будучи формальным объединением различных организаций, не оставил практически никаких сведений о своей деятельности. В то же время стремление эмигрантского актива политизировать во что бы то ни стало беженское сообщество вело к отторжению антисоветских идей значительной частью эмигрантской молодёжи и способствовало её отъезду за пределы Маньчжу-ди-го.

С конца 1930-х гг. русская молодёжь стала объектом пристального внимания со стороны Киовакай, воспитательную работу с молодёжью в рамках которого вела Инспекция по делам молодёжи (Токамбу). Главной задачей молодёжной политики Киовакай являлось не только воспитание в детях хороших людей в моральном и физическом отношении, но и хороших молодых граждан Маньчжу-ди-го, которым "можно было бы со спокойной совестью и уверенностью в их успехе верить в будущем дело государственного строительства" [6, с. 39]. В ведении Инспекции находились юношеские и детские организации Сейнендан (возраст 15–20 лет) и Сионендан (возраст 9–14 лет), дополненные в начале 1940-х гг. объединениями девушек. В русские отряды Сейнендан и Сионендан в обязательном порядке включалась вся учащаяся молодёжь. Для подготовки русских сотрудников (инструкторов) Киовакай в 1939 г. в Харбине были учреждены Высшие курсы, директором которых выступал начальник ГБРЭМ. Обучение на курсах осуществлялось в течение пяти месяцев, в перечень изучаемых предметов входили гражданская мораль, движение молодёжи, русская история, Белое движение, строевая подготовка, японский язык, основы агитационно-пропагандистской деятельности (ГААО-СО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31979. Л. 10, 13). Среди русских сотрудников Киовакай, работавших по молодёжной линии, оказался целый ряд бывших руководителей русских молодёжных организаций. Например, бывшие "офицеры" Союза мушкетёров – В. С. Барышников и Л. В. Вашуга.

Руководство БРЭМ было вынуждено способствовать работе Киовакай и поддерживать его молодёжную политику, при случае указывая, что российская эмигрантская молодёжь, помимо её задач в отношении грядущей Национальной России, имеет обязанности и перед Великой Империей Ниппон и перед страной, в которой сейчас живёт, – Маньчжу-ди-го [9, с. 22]. В то же время оно стремилось сохранить в своих руках т. н. национальное воспитание молодого поколения, что требовало известной гибкости и смелости, поскольку недостаточное рвение в осуществлении идеи создания японизированного "общего дома" наций Маньчжу-ди-го могло вызвать интерес со стороны японских спецслужб.

БРЭМ в работе с эмигрантской молодёжью в годы Великой Восточноазиатской войны

В начале 1940-х гг. молодёжные структуры эмигрантских политических организаций были ликвидированы. В 1941 г. были реформатированы и выведены из-под руководства РФС его молодёжные филиалы: РЖФД теперь стало именоваться Союзом русских женщин, Авангардистки – Союзом русских девушек. Сам РФС был ликвидирован в 1943 г. В 1942 г. прекратило свою работу Монархическое объединение. Входившие в его состав Союз военных и Союз казаков стали ветеранскими организациями, а Союз мушкетёров и Маньчжурский отдел НОРР, находившиеся в глубоком кризисе, закрыты. Только отдельные отряды скаутов продолжали свою работу вплоть до лета 1945 г. [10, с. 4]. Кроме того, в 1941 г. перестал функционировать Союз националистической молодёжи, а после 1941 г. исчезли упоминания об Антиккоммунистическом союзе.

На фоне деградации эмигрантского молодёжного движения и ликвидации части молодёжных объединений всё большую роль в работе с подрастающим поколением эмигрантов стали играть структуры Киовакай, что в немалой степени было стимулировано началом Великой Восточноазиатской войны, которую Япония вела против США и Великобритании. Через отряды Сейсионендан Инспекция по делам молодёжи Киовакай привлекала русских молодых людей к выполнению общегосударственных задач – участию в осуществлении ритуальных и политических акций, "жертвенных" (бесплатных)

работ, занятиям спортом и обучению военному делу [3, с. 139]. В летнее время в Харбине для разных возрастных групп молодёжи проводились лагеря на Крестовском острове, чем-то напоминавшие скаутские.

Особое внимание уделялось военным занятиям, которые с сентября 1941 г. стали регулярными во всех средних русских школах, а также в вузах. Российские эмигранты в возрасте от 20 до 40 лет, как и представители других народов Маньчжу-ди-го, состояли в рядах Общественных добровольческих дружин Киовакай. Обучение военному делу осуществлялось под лозунгами "Военное воспитание молодёжи – основа возрождения народа", "Военное обучение – главнейшая задача российской эмигрантской молодёжи", и т. п. На страницах эмигрантской печати, в многочисленных официальных докладах и выступлениях заявлялось, что "русская молодёжь готова отдать все свои силы за установление нового светлого порядка, за который сейчас борются страны Восточной Азии во главе с великой Ниппонской Империей" [18, с. 6; 20, с. 3]. Военным обучением эмигрантской молодёжи руководил подполковник Н. Б. Коссов⁹, советник молодёжно-воспитательного подразделения Главного Бюро и начальник его 2-го (военного) отдела в 1944–1945 гг. Для воспитания у русского юношества пиетета перед японской армией Харбинский штаб Токамбу устраивал для учащихся школ специальные киносеансы, где демонстрировалась документальная хроника, иллюстрировавшая "беспримерные подвиги ниппонских воинов в Великой Восточноазиатской войне". Кинопоказы сопровождалась лекциями сотрудников БРЭМ [19, с. 3].

В условиях перелома на фронтах Восточноазиатской войны в пользу противников Японии со второй половины 1943 г. японские власти в Маньчжу-ди-го развернули активнейшую пропаганду идеи "жизнь и смерть вместе с Ниппон". Эмигрантская официальная печать в унисон с японской пропагандой с этого времени постоянно подчеркивала, что у российской молодёжи есть только один путь – "в горе и радости, в жизни и смерти быть вместе с Ниппон" [21, с. 3]. В то же время эмигрантское Бюро прилагало немало усилий для претворения в жизнь своей национальной молодёжной "политики".

После закрытия молодёжных филиалов политических организаций вся национальная работа с эмигрантской молодёжью перешла в ведение возглавляемого К. В. Родзаевским 2-го (с 1944 г. – 1-го, культурно-просветительного) отдела БРЭМ, имевшего в своем составе школьный, спортивный, молодёжный и артистический подотделы (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35164. Л. 43). Возглавлявший в это время Главное Бюро генерал Кислицын, вынужденный выступать рупором идеи создания "общего дома" народов Маньчжурской империи, в то же время огромное внимание уделял вопросам патриотического воспитания подрастающего поколения русской эмиграции. На страницах своих публицистических произведений "Пантеон русской доблести и чести" и "Пути русской молодёжи" он задавался вопросом "кому передастся российская идея, на чьи плечи ляжет искупление прошлого?". Только любовь к Родине и идея беззаветного служения Отечеству, которое предстает для Кислицына в образе патриархально-православной, монархической России, вкупе со знанием образцов русской культуры и следованием религии предков способны, по его мнению, воспитать в эмигрантской молодёжи патриотов. В качестве духовно-нравственных ориентиров для молодёжи генерал указывал многочисленных персонажей российской истории и призывал молодых людей помнить, что они русские и гордиться этим [2, с. 62, 63].

Основными организационными формами работы БРЭМ с молодёжью стали Кружки русской молодёжи и литературно-художественные кружки, входившие в Объединение российской молодёжи, созданное в 1941 г. Кружки русской молодёжи действовали на железнодорожных линиях (преимущественно восточной) СМЖД. К 1944 г. их насчитывалось не менее двенадцати

⁹ Коссов Николай Борисович, 1908 г. р. Прибыл в Маньчжурию с семьёй в 1918 г. Проходил обучение в 1-м Харбинском реальном училище и на курсах горных техников при Харбинском политехническом институте. Состоял в НОРС. Окончил военно-училищные курсы РОВС (1934), Мукденскую офицерскую пехотную школу (1937) и высшую пехотную школу (1939). Один из двух первых русских офицеров отряда Асано (1938–1939), участвовал в военных действиях на Халхин-Голе, ранен. С 1941 г. начальник военной подготовки русской молодёжи по линии Киовакай. Полковник армии Маньчжу-ди-го (1945). Выехал из Харбина в августе 1945 г. в Северный Китай. Позднее жил в Австралии.

(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 73. Л. 4). В Харбине работа с молодёжью велась в рамках литературно-художественных кружков, членство в которых допускалось с 16 лет. Первый такой кружок – литературно-художественный кружок им. Августейшего поэта К. Р. – возник в октябре 1938 г., первоначально как кружок Монархического объединения. Возглавлял его В. А. Морозов, юрист, бывший штабс-капитан Белой армии, соратник В. Ф. Иванова, одного из лидеров Монархического объединения [11, с. 229, 230]. Из других инициаторов создания кружков известны писатель Н. А. Байков (кружок им. Н. А. Байкова) и скаутмастер А. А. Кармилов (кружок им. Н. С. Гумилёва). Помимо указанных объединений существовали кружки им. адмирала А. В. Колчака, генерала П. Н. Краснова, генералиссимуса А. В. Суворова, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова **(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 73. Л. 6).**

Задачи, которые ставили перед собой литературно-художественные кружки, хорошо демонстрирует устав кружка им. Н. А. Байкова: "воспитание эмигрантской молодежи в духе Православной религии, национального самосознания и русской культуры. Отвлечение молодежи от нездоровых привычек и развлечений, развитие любви к искусству и труду, наделение знаниями. Воспитание кадров друзей Ниппон и Маньчжудуго и врагов Коминтерна" **(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 60. Л. 137).** В составе кружка работало несколько секций: литературная, драматическая, музыкальная, вокальная, хореографическая, ниппоноведения, дамская и детская. Средства кружка формировались за счет членских взносов, поступлений от различных мероприятий (вечера, концерты, спектакли, лотереи), пожертвований и субсидий **(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 60. Л. 138).**

Кроме того, под руководством БРЭМ в Харбине действовали Союз окончивших учебные заведения Главного Бюро, Союз окончивших Институт ориентальных и коммерческих наук, Братство Святого Иоанна Богослова, Национальная организация исследователей-пржевальцев, Музыкально-вокальный и драматический кружок Союза служащих, Кружок военной молодёжи. Важным центром культурно-просветительной деятельности являлся Клуб российской молодёжи, открытый в марте 1942 г. и работавший при Российском Эмигрантском собрании. Почетным председателем клуба выступал начальник ГБРЭМ.

Формально объединяющей и направляющей деятельность литературно-художественных кружков и других молодёжных организаций структурой являлось Объединение российской молодёжи. Согласно уставу Объединения (март 1944 г.), оно являлось "свободным союзом организаций молодежи Российской эмиграции, согласившихся соединить свои силы для общей борьбы с коммунизмом и англосаксами за Новый Порядок. Объединение ставит целью – действительную спайку между всеми организациями российской молодежи и их членами на базе национальной культурно-просветительной работы, для подготовки кадров российской эмигрантской молодежи, воспитанной в духе Православия, национализма и дружества" **(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 73. Л. 104 об).** Объединение подчинялось непосредственно начальнику ГБРЭМ через культурно-просветительный отдел.

Основными формами работы молодёжных организаций являлись доклады, лекции, беседы на литературно-исторические темы, подготовка рефератов, устройство музыкально-вокальных вечеров и театральных постановок. Несмотря на декларируемое "воспитание в духе жертвенного служения Новому Порядку и необходимости создания новой литературы, новой культуры и новой жизни соответственно духу и требованию времени" **(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 135. Л. 43),** эта сторона в деятельности молодёжных объединений была существенно формализована, как и политическое воспитание в духе антикоммунизма.

Сильно формализованная деятельность Объединения российской молодёжи не вполне устраивала БРЭМовское начальство и чинов из ЯВМ. В связи с этим летом 1943 г. возник проект реформы Объединения, предполагавший "полную централизацию руководства молодёжных организаций, объединение однообразной работы разных организаций и проведение систематической общей работы по районам города", соединение существующих организаций в рамках районных клубов, пополнение руководящего органа Объединения – Делового комитета – компетентными в разных областях культуры ли-

цами (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 120. Л. 19, 20). Также существовала идея создания при каждом русском среднем учебном заведении организации по воспитанию молодёжи, в основу которой была бы положена идея скаутинга. Для реализации этой идеи необходимо было подготовить инструкторские кадры в дополнение к уже существующим из состава Маньчжурского отдела НОРС, включить их в состав педагогических коллективов на регулярной основе и изыскать средства для оплаты их труда (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 2. Л. 274, 274 об). Идея так и не была реализована, не получив, вероятно, одобрения со стороны японских властей.

Однако никакие реорганизации уже ничего не могли изменить. Идеино-политическое воспитание эмигрантской молодёжи в духе паназиатизма и антикоммунизма в условиях приближающегося военного поражения Японии в Восточноазиатской войне было малоэффективным. По словам одного из эмигрантов, японцы "своими мероприятиями заставили нас окончательно утвердиться в том, что мы, эмигранты, не более, как игральные карты в руках японской дипломатии, зависящие от перемен дипломатической погоды. Когда это было нужно, нас науськивали на Коминтерн. Когда обстановка изменилась..., то натравливали на англосаксов, то отсылали на Тооген" (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33409. Л. 119, 120). Мощный всплеск патриотизма в эмигрантской среде сделал эмигрантов активными сторонниками прихода в Маньчжурию Красной армии и ликвидации Маньчжу-ди-го. В этой ситуации деятельность БРЭМ в деле национального воспитания эмигрантской молодёжи только способствовала росту патриотических и антияпонских настроений.

Как показывает короткая история БРЭМ, Бюро сумело реализовать часть своих основных задач – консолидировать российскую эмиграцию в Маньчжу-ди-го и обеспечить ее относительную национально-культурную автономию, в то же время потерпев фиаско в своих идейно-политических установках на борьбу за освобождение России от коммунистического режима. Бюро эмигрантов внесло существенный вклад в дело сохранения и развития русской культуры в Маньчжурской империи и формирование в среде эмигрантской молодёжи приверженности национальной культуре и патриотизма, противостоявшие целям японизации культурного ландшафта Маньчжу-ди-го в контексте изменения содержания имперской политики Японии на рубеже 1930–1940-х гг. Патриотический стержень молодёжной "политики" БРЭМ в ситуации Отечественной войны, которую вел советский народ, в известной мере способствовал росту симпатий молодой эмиграции к Советскому Союзу. И это особенно ярко проявилось в период советско-японской войны августа 1945 г., когда именно эмигрантская молодёжь оказала наиболее активную помощь советской армии в ликвидации японского присутствия в Маньчжурии.

Литература

1. Аурилин Е. Е. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (возникновение, структура, роль в судьбе российской эмиграции) // Белая армия. Белое дело: Ист. науч.-популярный альманах. Екатеринбург, 1996. № 1. С. 101–112.
2. Аурилене Е. Е., Потапова И. В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: "эмигрантское правительство". Хабаровск, 2004. 128 с.
3. Булатов И. А. Русская молодежь под идеологическим воздействием маньчжурских и японских властей (Маньчжу-Ди-Го, 1930-е годы) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 131–147.
4. Великая Маньчжурская Империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Гос. организация Кио-ва-кай и Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942. 422 с.
5. Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Изд-во "Оттиск", 2016. 254 с.
6. Движение молодёжи Кио-Ва. В 2 кн. [Б. м.], 1943. Кн. 1. 119 с.
7. Кейдун И. Б., Елисеева Я. А. Общая характеристика системы высших государственных органов Маньчжоу-го // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 48. С. 31–36.
8. Луч Азии. 1939. № 8 (60).
9. Луч Азии. 1943. № 7 (107).

10. Матковский И. 85 лет Национальной Организации Русских Скаутов // На сопках Маньчжурии. 1994. № 14. С. 4.
11. Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский Путь, 2003. 440 с.
12. Накасима Т. Создание Бюро по делам русской эмиграции (БРЭМ) в Маньчжоу-Го, 1934–1935 // Россия и Япония: сборник статей. Вып. 8. Токио, 2010. С. 123–139.
13. Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке / сост. М. Огуси. Харбин, 1935. Вып. 1. 1258 с.
14. Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.). М.: ЛитРес: Самиздат, 2019. 712 с.
15. Смирнов С. В. "Один за всех, все за одного". Союз русских "мушкетёров" в Северо-Восточном Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1. С. 94–105.
16. Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. 454 с.
17. Харбинское время. 1941. 1 февр.
18. Харбинское время. 1941. 13 сент.
19. Харбинское время. 1942. 1 марта.
20. Харбинское время. 1942. 2 марта.
21. Харбинское время. 1943. 26 нояб.
22. Хисамутдинов А. А. Русские волны на Тихоокеане: Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток: Изд-во "Рубеж", 2013. 640 с.
23. Хлеб Небесный. Харбин, 1943. № 9–10.

References

1. Aurilene E.E. Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire (origin, structure, role in the fate of Russian emigration) // The White Army. The White Case: A Historical Popular Science Almanac. Yekaterinburg, 1996. No. 1. P. 101–112. (In Russ.).
2. Aurilene E.E., Potapova I.V. Russians in Manchukuo: "The emigrant government". Khabarovsk: S. n., 2004. 128 p. (In Russ.).
3. Bulatov I.A. Russian youth under the ideological influence of the Manchurian and Japanese authorities (Manchu-Di-Go, 1930s) // New Historical Bulletin. 2021. No. 2 (68). P. 131–147. (In Russ.).
4. The Great Manchurian Empire. For the tenth anniversary. Harbin: Kio-wa-kai State Organization and the Main Bureau for Russian Emigrants in the Manchurian Empire, 1942. 422 p. (In Russ.).
5. The State and quasi-state Nature of Manchukuo: Historical essays / Ed. B.V. Bazarov. Irkutsk: Izdatel'stvo "Ottisk", 2016. 254 p. (In Russ.).
6. Kyo-wa Youth Movement. S. n., 1943. Vol. 1. 119 p. (In Russ.).
7. Keidon I.B., Eliseeva Ya.A. General characteristics of the system of higher state bodies of Manchukuo // Bulletin of the Amur State University. Ser. Humanities. 2010. No. 48. P. 31–36. (In Russ.).
8. Ray of Asia. 1939. No. 8 (60). (In Russ.).
9. Ray of Asia. 1943. No. 7 (107). (In Russ.).
10. Matkovsky I. 85 years of the National Organization of Russian Scouts // On the hills of Manchuria. 1994. No. 14. P. 4. (In Russ.).
11. Melikhov G.V. Bely Harbin: Mid-20s. Moscow: Russkii Put', 2003. 440 p. (In Russ.).
12. Nakashima T. The creation of the Bureau for Russian Emigration (BREEM) in Manchukuo, 1934–1935 // Russia and Japan. Tokyo, 2010. Iss. 8. P. 123–139. (In Russ.).
13. Collection of laws and orders of Manchu-Di-Go In Russian / Ed. M. Ogusi. Harbin: S. n. 1935. Iss. 1. 1258 p. (In Russ.).
14. Smirnov S.V. Far East Dead End: Russian Military Emigration in China (1920–late 1940s). Moscow: LitRes, Samizdat, 2019. 712 p. (In Russ.).
15. Smirnov S.V. "One for all, all for one". The Union of Russian "Musketeers" in North-eastern China // Problems of the Far East. 2015. No. 1. P. 94–105. (In Russ.).
16. Usov V.N. Soviet intelligence in China: the 30s of the twentieth century. Moscow: Association of Scientific Publications of the KMK, 2007. 454 p. (In Russ.).
17. Harbin time. 1941. February 1. (In Russ.).
18. Harbin time. 1941. September 13. (In Russ.).
19. Harbin time. 1942. March 1. (In Russ.).
20. Harbin time. 1942. March 2. (In Russ.).
21. Harbin time. 1943. November 26. (In Russ.).
22. Khisamutdinov A.A. Russian waves on Pacifica: From Russia through China, Korea, and Japan to the New World. Beijing; Vladivostok: Rubezh, 2013. 640 p. (In Russ.).
23. The Bread of Heaven. 1943. No. 9–10. (In Russ.).

Информация об авторе

Сергей Викторович Смирнов, д-р. ист. наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, e-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Information about the author

Sergei V. Smirnov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia, e-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Поступила в редакцию 16.01.2023

Received 16.01.2023

Одобрена после рецензирования 12.02.2023

Approved 12.02.2023

Принята к публикации 16.02.2023

Accepted 16.02.2023